

*Цибизова И.М.**

**ФЕНОМЕН ВИКТОРИАНСКОЙ СКАЗКИ
В БРИТАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ЕГО РОЛЬ
В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ
МЕНТАЛЬНОСТИ**

Аннотация. В статье рассматривается феномен викторианской авторской сказки как самобытного и оригинального литературного жанра и его непосредственная связь с алхимической символикой. Возникший в бурном XIX в. этот жанр отражал серьезные перемены в науке и обществе Британии и стремился подготовить к ним психику читателя. Алхимический процесс использовался как методология в нелегком деле формирования сознательного «я», способного, как полагали, утонуть и раствориться в глубинах недавно открытого бессознательного. Учитывая необходимую стадию нигредо, алхимического разложения с уничтожением предыдущих составляющих, в том числе наследства «дикого детства» и недопустимости возвращения в него, можно констатировать, что этот процесс был довольно суровым и формировал довольно жестокое «эго», гордящееся превосходство цивилизованности над «варварскими народами», подчиненными Британской империей.

* *Цибизова Ирина Михайловна* – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; itsibizova@mail.ru

Tsibizova Irina Mihaylovna – PhD in Historical Sciences, Researcher of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; itsibizova@mail.ru

Ключевые слова: алхимия; бессознательное; британская литература; ностальгия; символ; сказка; К. Юнг; эго.

Поступила: 01.04.2023

Принята к печати: 20.05.2023

Для цитирования: Цибизова И.М. Феномен викторианской сказки в британской культуре и его роль в формировании национального менталитета // Вестник культурологии. – 2023. – № 3(106). – С. 22–44. – DOI: 10.31249/hoc/2023.03.02

Tsibizova I.M.

The phenomenon of the Victorian Fairy Tale in the British culture and its role in the formation of the national mentality

Abstract. The article deals with the phenomenon of the Victorian author's fairy tale as an original and original literary genre and its direct connection with alchemical symbolism. Originating in the turbulent 19th century, this genre reflected the rapid changes in British science and society and sought to prepare the reader's psyche for rapid change. The alchemical process was used as a methodology in the difficult task of forming a conscious self that was believed to be able to sink and dissolve into the depths of the newly discovered unconscious. Taking into account the necessary stage of Nigredo, alchemical decomposition with the destruction of the previous components, including the legacy of “wild childhood” and the inadmissibility of returning to it, we can state that this process was quite severe and formed a rather cruel “ego”, proud of the superiority of its civilization over the “barbarian nations” subject to the British Empire.

Keywords: alchemy; British literature; ego; fairy tale; Jung K.; nostalgia; symbol; unconscious

Received: 01.04.2023

Accepted: 20.05.2023

For quoting: Tsibizova I.M. The phenomenon of the Victorian Fairy Tale in the British culture and its role in the formation of the national mentality // Bulletin of Cultural Studies. – 2023. – № 3(106). – P. 22–44. DOI: 10.31249/hoc/2023.03.02

Введение

Викторианская авторская сказка – весьма своеобразный феномен в британской культуре XIX – начала XX в. Настолько своеобразный, что уже само его появление связано с ведущейся в обществе того времени дискуссией, не навредят ли такие сказки неокрепшей детской психике, наполнив ее «возмутительно беспричинными и беспочвенными страхами». Так считала Сара Триммер (1741–1820) [Newton, 2016, р. X]. Радикальные рационалисты предлагали запретить забивать детям головы «всяческой чепухой»¹ и изначально приучать к чтению исключительно научной литературы, подобной той, что писала для детей Джейн Марсе². Однако сказочной стране безудержной фантазии удалось спастись от угрожавшего ей огра, воплощавшего сухой трезвый расчет и холодное актуарное восприятие³.

Современные гиперморалисты⁴ продвинулись еще дальше: они ищут – и находят – в Викторианской эпохе 1837–1901 гг., «в викторианской жизни много такого, чего хотелось бы избежать»: освещение социальных противоречий, психологических конфликтов и поиск возможных решений, страхов, касающихся традиций, старого культурного и экономического укладов [Newton, 2016, р. IX–X]. В стране с богатейшей литературной традицией для обоснования «политической корректности» публикации викторианских сказок во введении упоминается, что среди их авторов были и мужчины (Джон Раскин и Джордж Макдональд), и женщины (Дина Мария Мьюлок и Мэри де Морган), и геи (Оскар Уайлд и Лоренс Хаусман) [ibid., р. IX]. Отрадно, что оста-

¹ Мнение Анны-Летиции Барбо (1743–1852), автора назидательных книг «Уроки для детей» и «Гимнов в прозе для детей», переведенных на несколько европейских языков.

² Джейн Марсе (в девичестве Халдиманд (1769–1858) британский химик, экономист, автор учебников и многократно переиздававшихся книг для детей «Беседы о философии естествознания», «Беседы о физиологии растений», «Беседы о политической экономии». Ее «Уроки о животных, овощах и минералах» как неотъемлемая часть «культурно значимой основы цивилизации» в последний раз переиздавались в серии «Выбор ученого» в 2015 г. [Marcet, 2015].

³ Перефразированная метафора М. Ньютона [Newton, 2016, р. IX].

⁴ Гиперморалью немецкий журналист и мыслитель А. Грау вслед за А. Геленом [Gehlen, 1969] называет безнравственную мораль, ставшую идеологией постмодерна [Grau, 2017].

ются те, кто не только считал Викторианскую эпоху золотым веком детской литературы, в частности авторской сказки, но и продолжал знакомить студентов с уникальными особенностями жанра, как это делал Джеймс Фаулер в курсе лекций 2004–2005 гг. в Университете Центрального Арканзаса [Fowler, 2004].

Каждый ищет в викторианской сказке свое – благо необыкновенное разнообразие жанра позволяет это. Х.В. Вермьюлен посвятила свою диссертацию «Карликовости мужчин в викторианской сказочной литературе» [Vermeulen, 2007], рассмотрев в ней проблему мужественности и женственности в восприятии эпохи на сказках Кристины Россетти, Джорджа Маклональда и Джулианы Горации Эвинг, в том числе и «манипуляций мужчинами» [ibid., p. 44], дабы сделать в заключительной шестой главе вывод об использовании образов гномов для критики мужской агрессивности, деструктивности, незрелости, превосходстве женского ума [ibid., p. 58–59] и проанализировать предвидение авторов в решении «гендерных вопросов», в том числе недооцененности женского домашнего труда, не относящегося к обязанностям мужчин [ibid., p. 61]. Джек Зайпс полагает, что таким образом сказочники выражали мечту и потребность в новом обществе и управлении [Zipes, 1991, p. xxxi].

Против популярной ныне «прогрессивной» адаптации «ошибок» «прискорбно консервативных времен» предупреждает Джессика Кэмпбелл, осуществившая интересное сопоставление викторианских сказок и романов путем прослеживания их интертекстуальной связи [Campbell, 2015, p. 8]¹. Хотя после «цензуры» крупнейшим англоязычным издательством Harper Collins романов Агаты Кристи с вымарыванием «обыгрывания расовых или этнических различий» ради соответствия «новой этике» [Резанова-Яцкевич, 2023]² возникают небеспочвенные опасения относительно судьбы зачастую готически мрачных викторианских сказок, в которых борьба Добра со Злом иногда завуалирована и развивается по нетрадиционным канонам. Ныне во времена обостренной «герменевтики подозрений» дискуссии ведутся в основ-

¹ Исследовательница отмечает, что у читающего викторианские романы неизбежно возникают подспудные и подсознательные ассоциации с авторскими сказками того времени [Campbell, 2015, p. 10].

² Ранее с привлечением «чувствительных» читателей подобному редактированию были подвергнуты сказки Роальда Даля [Резанова-Яцкевич, 2023].

ном вокруг того, как сказки использовались различными «ментальными манипуляторами» для угнетения. Тем более взвешенной представляется позиция Кэмпбэлл, предлагающей как в старые добрые времена исследовать их в свете эволюции жанра, а также в географическом и историческом контексте [Campbell, 2015, p. 173].

Особенности жанра

Англосаксонские исследователи сказки традиционно связывают безудержную фантазию жанра с вольным и беззаботным детством, которое, в свою очередь, ассоциируется с дикостью как стадией развития человечества¹. Во многом эти воззрения близки результатам исследований подсознания К. Юнга, автора образной метафоры: «Золотая дымка воспоминаний детства встает не столько из объективных фактов, сколько из смеси магических образов, в большей степени интуитивных, нежели действительно осознанных» [Юнг, 2008, с. 638]. Перекликаются они и с концепцией феноменолога религии Мирчи Элиаде, полагавшего, что жизнь ребенка проистекает в мистическом, райском времени [Элиаде, 1996, с. 82]², а взрослому современному человеку тесно и душно в окружающем мире, поэтому он благодаря мифу пытается повернуть время вспять и вернуться к собственным истокам [Элиаде, 1996, с. 21–22]. Если для З. Фрейда подобное возвращение зачастую чревато травмой³, то румынский мыслитель связывает его с попыткой перехода от исторического линейного времени к времени мистическому абсолютному [Элиаде, 1996, с. 21–22, 39–42, 43–44].

¹ Одним из первых параллель между детством и дикостью провел Вальтер Скотт. Эта проблема рассматривается в первой части введения посвященной викторианской сказке монографии Молли Кларк Хиллард [Hillard, 2014, p. 1–4].

² З. Фрейд также определял детство как райское время, «блаженство перед падением» [Элиаде, 1996, с. 83].

³ В сказке «Семена любви» Мэри де Морган главная героиня королева Бланшелис, которую задумала погубить ее злодейка-сестра, блуждая по лесу, возвращается в родные места, домик на мосту, где она счастливо жила прежде, но вместо успокоения это повергает ее в безумие и приводит на порог смерти [Wieliczko-Paprotka, 2018, s. 39].

Авторские сказки, появившиеся в английской литературе довольно поздно¹, претерпели значительную эволюцию на протяжении викторианского периода. В связи с этим вполне оправданным представляется наблюдение М. Котцина, отметившего, что викторианскую сказку проще узнать, чем определить [Kotzin, 1972, р. 7–31]. К сказке в то время относили все фантазии: дидактические, легендарные и романтические. Сформировалось устойчивое мнение, гласящее: викторианские сказки не имеют точных детерминант [Wieliczko-Paprotka, 2018, s. 34].

Все авторы ставили перед собой задачу не только развлечь публику и пробудить воображение как детей, так и взрослых, но и преподнести им уроки викторианской морали [Аникушкина, 2012, с. 8]. Однако если вначале в их произведениях явно ощущались морализм и дидактика предыдущего периода – «хороший» мальчик всегда поощряется, «плохой» наказывается², то в конце результаты борьбы Добра и Зла становятся уже не столь очевидными и, зачастую обретая фантазмагорические очертания, вызывают к дополнительным размышлениям. Ставшие протестом против норм строгой морали, запрещавшей детям шуметь, резвиться и играть, дабы не беспокоить старших, они нашли отклик в сердцах тех взрослых, чье детство было связано с подобными ограничениями, заставив вспомнить, что они сами когда-то были детьми [там же, с. 10]³. В конце Викторианской эпохи популярность приобрели сказки, эволюционировавшие от прямой дидактики в сторону бессмыслицы и «вредных советов». Самыми яркими из их авторов считаются Льюис Кэрролл с его «Алисой», один из основоположников поэзии бессмыслицы Эдвард Лир и Уильям Брайти Рэндс, известный публике под псевдонимами Т. Говоруна, Генри Холбича и Мэтью Брауна. Всемирную известность приобрели иллюстраторы детской литературы.

¹ Первой авторской сказкой считается «Праздничный дом» (Holiday house) К. Сиклер, опубликованный в 1839 г.

² Так поступал наставник мистер Барлоу в детской повести Т. Дзэ «История Стэнфорда и Мортон» [Аникушкина, 2012, с. 8].

³ Об этом позже напишет Памела Трэверс в блестящей сказочной повести «Мэри Поппинс» 1934 г.

Изменение сказок связано с неудовлетворением реальностью, потребностью в глубоком и постоянном в изменчивом мире индустриальной империи [Wieliczko-Paprota, 2018, s. 35].

Исторический контекст

Долгие годы правления королевы Виктории, взойшедшей на престол в восемнадцатилетнем возрасте в 1837 г. и правившей до своей смерти в 1901 г., знаменовались решительной британской экспансией, впервые за много лет не сопровождавшейся войнами. Тогда произошли и обретение основного пакета акций Суэцкого канала в 1875 г., и превращение Индии в заморское владение, главную жемчужину имперской короны в 1876 г., и Берлинский конгресс 1878 г., ограничивший влияние России на Балканах, достигнутое благодаря Сан-Стефанскому мирному договору. Немного раньше Британия в коалиции с Французской и Османской империями и Сардинским королевством вела с Россией Крымскую войну 1853–1856 гг.

Правление Виктории отметилось обострением ирландского вопроса, усугубленного неурожаем и голодом 1845–1849 гг.

В это время всю Англию связали железные дороги. В конце века появились первые автомобили. Существовали опасения из-за влияния на психику научно-технического прогресса: после появления железных дорог и автомобилей опасались массовых психозов от вида «самодвижущихся повозок». Наблюдался устойчивый экономический рост, имевший и свою обратную сторону: он привел к «урбанизации и отчужденности». «Волшебная страна» викторианцев перенеслась из индустриально развитых «маргинально цивилизованных»¹ районов, спрятавшись среди пасторальных пейзажей «старой доброй Англии» и в Кельтском пограничье.

В культуре этот период отмечен формированием викторианской морали – системы ценностей и норм, строго регламентировавшей жизнь среднего и высшего классов, зачастую лицемерных.

Бенедикт Андерсон предположил, что нация отчасти определяет свое настоящее посредством выдуманного прошлого (старины) [цит.

¹ Определение принадлежит английскому этнографу Анне Элизе Брей [цит. по: Campbell, 2015, p. 2].

по: Campbell, 2015, p. 3]. В XIX в. появилось множество собирателей народного фольклора, веривших, что хрупкие фейри, для которых губительна городская среда, остались хотя бы среди зеленых холмов [Коути, Харса, 2015, с. 1]. Уроженец Дербишира С.О. Адди издал сборник «Сказки и образцы традиционной культуры» (1895), посвященный суевериям Центральной и Северной Англии. Шотландские приметы записывал Дж. Кэмпбелл – священник из Тири. Эмма Мэри Томас, писавшая под псевдонимом Мари Тревельян, сохранила для потомков сведения о повседневной жизни Уэльса, опубликовав в 1909 г. сборник «Фольклор и народные предания Уэльса» [там же]. Британская творческая интеллигенция поставила перед собой задачу – утвердиться в качестве законодателя мод в литературе.

Англосаксонские исследователи жанра отмечают, что праздные истории о феях и пикси служили викторианцам для выражения реальных забот и тревог [Campbell, 2015, p. 8].

Викторианскую литературную сказку, как и поэзию, воспринимают в качестве моста между эпохой романтизма и модернизмом XX в. [Newton, 2016, p. IX].

Эти сказки появились во время бурного научного прогресса, когда возникла теория эволюции Ч. Дарвина, развивалась медицина, но психология определялась как отдельная отрасль науки и породила множество тупиковых направлений.

Популярностью пользовалась так называемая френология, связывавшая психику, в том числе умственное развитие, со строением черепа. Ностальгия объявлялась ментальной болезнью, требовавшей лечения [Петров, 2020, с. 48].

Ее лечили морфием, ставшим одним из бедствий эпохи. Психиатрия находилась в тесной связи с судопроизводством: было распространено мнение, что преступность обуславливается психическими отклонениями. Показательно, что шесть из восьми покушавшихся на королеву Викторию побывали в сумасшедшем доме, один из них, Джон Уильям Бин, впоследствии умер, наглотавшись таблеток с опиумом, а после покушения 1882 г. был принят закон, по которому преступник, признанный невменяемым, должен был пожизненно находиться в специальной больнице под охраной [Карасюк, 2022]. Особенно от психиатров доставалось женщинам, которых – всех сразу –

объявили «склонными к психическим расстройствам»¹ только из-за наличия матки и гениталий.

Психиатрия занималась также обоснованием превосходства белого человека над «варварами» из колоний. Один из основателей «эволюционной психологии» как позитивистской науки, Герберт Спенсер (1820–1903), провозгласивший передачу ассоциативного мышления по наследству, обосновал превосходство европейцев над «дикарями» [Ярошевский, 1996, с. 89]. Однако наибольшая «заслуга» в утверждении идеологии англосаксонского превосходства принадлежит отнюдь не англичанину, но британскому философу и историку шотландского происхождения Томасу Карлейлу (1795–1881), которого Бертран Рассел считал наряду с Ф. Ницше предтечей Гитлера [Саркисянц, 2003]. От «культы истинных героев», исключительных личностей, подобных Наполеону или Кромвелю, единственно способных справедливо управлять человечеством и ведущих за собой массы, рукой подать до концепции Сверхчеловека.

Технический прогресс продемонстрировал и свою обратную сторону: общество становившейся все более прагматичной Британии было буквально опьянено спиритизмом. Чарльз Диккенс, Роберт и Элизабет Браунинг и Альфред Теннисон, Эдвард Бульвер-Литтон, Джордж Элиот, Энтони Троллоп, Артур Конан Дойл и другие литераторы посещали спиритические сеансы. Диккенс также увлекался месмеризмом – учением о «животном магнетизме» [Ахметова, 2016]. «Домен призраков» перестал считаться «ночью, сном разума, неопределенной пустотой, стоящей перед желанием», взывая к «бодрствованию, неустанному вниманию, пылкой эрудированности и постоянной бдительности» [цит. по: Wieliczko-Paprot, 2018, s. 33].

Увлечение оккультизмом отразилось и в возрождении интереса к алхимии. Только вместо философского камня оккультисты искали приемлемые способы формирования человеческого эго. Такое название З. Фрейд дал набору функций, позволяющих приспособиться к требованиям жизни, в противовес Ид – части психики, содержащей «примитивные желания, импульсы, иррациональные стремления, комбинации “страх-желание” и фантазии» [Мак-Вильямс, 2001, с. 37]. Эти

¹ Этому посвящен раздел «Психические расстройства» третьей главы «Здоровье, гигиена и красота» книги Е. Коути и К. Гирнберг [Коути, Гринберг, 2013].

теории также относят к «плодам» или «продуктам» эпохи [Victorian Era Characteristics: Art ...]. Фрейд, введя в обиход психоанализ, начал лечить пациентов беседами, вместо традиционных химикатов¹ и электрического тока [Коути, Гринберг, 2013]. В Викторианскую эпоху развился страх перед подсознанием, уподобляемым чудовищу, способному вырваться из глубин и поглотить сознание.

Эмилия Величко-Папрота отметила неточность М.-Л. фон Франц, заявившей, что Карл Юнг фактически «выкопал алхимическое знание из навозной кучи прошлого, возродив забытую и презираемую область исследований» [Wieliczko-Paprot, 2018, s. 34]. Идея этого коллеги З. Фрейда о восприятии алхимии как процесса психологического самоопределения (индивидуализации) взята у оккультистов XIX в., считавших алхимию ключом к духовному просвещению. Понятие «Альбион» стало ключевым элементом новой «англиканской духовности», стремящейся сменить веру в «магическую силу Провидения» и других символов [Newman, Principe, 2002, p. 169] новой идеологией. Алхимическая символика играла в этой попытке замены «коллективного бессознательного²» ведущую роль, соответствуя представлениям «физического мистицизма», по которым божественное формируется в материи, одухотворяемой божественным. Посредником между ними ведущий исследователь оккультизма Артур Э. Уэйт считал воображение, наделяющее волю властью над универсальным агентом [цит. по: Wieliczko-Paprot, 2018, s. 34].

Викторианские сказки и алхимическая символика

Роль алхимической символики прослеживается на примере нескольких викторианских сказок в сопоставлении с книгой алхимических эмблем Михаэля Майера [Майер], изданной в 1617 г. и пользовавшейся в викторианской Англии большой популярностью. Очень ярко эта символика представлена в сборнике Мэри де Морган «На по-

¹ Помимо морфия в «лекарства» входили бромиды и многие яды, в том числе стрихнин [Коути, Гринберг, 2013].

² Под «коллективным бессознательным» понимались общие для всего человечества архетипы, укорененные в глубоких слоях души и проистекающие из мифологических образов и сновидений.

душечке для булавок» [Morgan de, M., 1877]¹, рожденном, как верили викторианцы, подсознанием, из которого в «мир между книгой и лампой» вырвались вдохновение и воображение². В «Истории опала» два главных алхимических символа – могучее Солнце и нежная Луна – поссорились и враждуют, а их дети, лучики-мальчики и лучики-девочки, никогда не встречаются друг с другом, но однажды Солнечный луч, наслушавшись песен Соловья, в туманный день дождался появления прекрасной девушки – Лунного луча, которой он мог лишь любоваться, не касаясь из опасения погубить. Ночь, проведенная вдали от Солнца, лишила его сил, а днем яркий свет начал убивать его возлюбленную. По совету Соловья они спрятались в «глупом и бесполезном» [Морган де] белом камне, но было уже поздно. Вдали от света Солнца и Луны влюбленные умерли, наполнив своими смешанными чудесными цветами камень, заигравший волшебными красками [там же].

Напрашивается аналогия с эмблемой 30 из книги Майера, названной «Солнцу нужна луна, так же, как петуху – курица» с комментарием:

Глупец же тот, кто разъединить желает
Те вещи, что природой связаны навек [там же].

Отец-Солнце, согласно «Изумрудной скрижали» [Акунов, 2012], которую в 1939 г. под псевдонимом Морис Дореаль переведет английский оккультист Клод Доггинс [цит. по: Изумрудные скрижали Тота Атланта ... , 2016], дает начало жизни и свету, миру и человеческой самости. Мать-Луна ассоциируется с восприятием и рождением: при проникновении божественного света из тьмы бессознательного пробуждается воображение, представлявшееся в виде Ветра. Считалось, что так независимо от человека Бог раздувает свечу его сознания. Ветер, изображенный на первой эмблеме Майера [Майер], носит в себе этот плод, и явит ли он себя «живым и могучим» или станет «уродом»

¹ В этом сборнике, написанном под влиянием Г.-Х. Андерсена, рассказчицами выступают обычные предметы женского обихода: Брошка, Заколка и Булавка.

² Перефразированная цитата М. Фуко о творчестве Г. Флопера [цит. по: Wieliczko-Paprotka, 2018, s. 33].

или Агриппой» [Майер], зависит лишь от Алхимика-творца, писателя, рождающего новое произведение.

Два главных противоположных и несовместимых начала, соединившись, порождают новое. Он и Она, Солнце и Луна, Король и Королева, избранные находят друг друга в Вечном возвращении, давая начало мистерии¹. Однако для этого они, сплавившись в алхимическом тигле, должны погибнуть и утратить свою сущность. В алхимии новое рождается лишь после необходимой стадии разложения – акта нигредо. Только погибнув, влюбленные Лучи переродились в нечто новое и породили красоту в камне. И только Соловью – алхимику-сказителю или поэту – известна эта тайна, отчего его песнь всегда грустна.

В сказке «Семена любви» алхимические символы проявляются даже более очевидно. Добрая сестра Бланчелис выращивает из этих семян дерево – Розу. Древо – один из важнейших алхимических символов, олицетворяющий и человеческую жизнь, и ее достижения, и историю всего человечества. Пока растет это Древо, история продолжается. Благодаря Розе или искренней и счастливой супружеской любви, которую она олицетворяет, Бланчелис выходит замуж за принца, рождает сына, а после смерти короля-отца становится королевой. Ее счастье невыносимо для завистливой сестры Заиры с символически черными волосами и столь же черным сердцем. От черной ведьмы, Зависти, Заира получает змею, которая, обвив корни дерева, губит его. По мере того как опадают листья Розы, Бланчелис замечает, что муж любит ее все меньше и меньше. Теряя силы, она отправляется в путешествие, к старому дому, где она встретила Любовь, подарившую ей волшебные семена. Возвращение не приносит ей радости – она бредет как безумная, словно в бреду². От Любви королева слышит, что спасти Розу может только ее кровь, хотя еще в юности Бланчелис узнала, что ранение шипом станет для нее смертельным. Она возвращается и, напоив корни, истекает кровью, но Роза возрождается, жив и младенец [Морган де] – жизнь продолжается.

¹ Об этом повествует комментарий к первому рисунку популярного в викторианской Англии алхимического трактата «Розарий философов» (*Rosarium philosophorum*) [Рисунки к *Rosarium philosophorum*, 2009].

² Возникают непосредственные ассоциации с теориями английских психиатров, предупреждавших об опасности желания вернуться в «дикое детство».

Сказка связана сразу с тремя гравюрами Мейера – Пятая эмблема требует положить женщине жабу на грудь: женщина умрет, но жаба вырастет могучей [Майер]. Только так, ценою боли и смерти, можно изготовить чудодейственное лекарство. Такова была рациональная жестокость алхимии и викторианской Англии. Наводит эмблема и на другую мысль: отважившаяся возложить на себя бремя творчества, в том числе литературного, погибает как женщина, во всяком случае, перестает быть такой, какой должна быть по нормам викторианской морали.

На Сорок первой эмблеме бык убивает Адониса, а бегущая к нему Венера ранит ноги и окрашивает белые розы красным – в цвет любви [Майер]. Точно так же Бланчелис, пожертвовав собой ради супружества и ребенка, сделала прежде белую розу алой [Морган де].

Последняя, Пятидесятая эмблема, самая жестокая. На ней изображена лежащая в гробу женщина, которую обвивает дракон. Удушая свою жертву, он убивает ее, одновременно сам погибая в крови [Майер]. На рисунке VI «Розария философов» аналогично Король и Королева, вернее их «земные личности, второстепенные я» [Рисунки к *Rosarium philosophorum*, 2009], начинают растворяться в мистерии Алхимического бракосочетания, явив в темной могиле, полной воды, одно тело с двумя коронованными головами [там же]. Такова сущность нигредо, «черного деления», или «темной ночи души» [там же]: для рождения нового обе старые сущности должны погибнуть, растворившись друг в друге, деформировавшись и став новым началом. Жертвы неизбежны и неважны.

Точно так же в «Сказке о Принцессе на клумбе» самого плодovitого из трех литераторов Хаусменов, Лоренса (1865–1959), главный герой Неумник вынужден скормить гостям, семерым – магическое число – малышам-огнеядцам, в чьи глаза мерцает пламя свечей «как под порывами ветра(!)» [Хаусмен, 2021], все свое имущество, лишившись даже крыши над головой. Только так он получит Перстень-Прелучшатель, а вместе с ним – и надежду на счастливую жизнь. С его помощью Неумник добывает Плуг-Скорородец (символ механизации в сельском хозяйстве) и раковину, дающую власть над Колодцем Жажды. Затем приходит черед Пламенеющей Розы и последнего

пузырька дыхания черной Камфарной Немертины¹, обитающей в несметных глубинах Озера Горечи. Только благодаря всем этим вещам он возрождает к жизни принцессу Мелилот и с ней обретает счастье [Хаусмен, 2021].

Сказка вобрала в себя все алхимические символы человеческой жизни – Огонь, Воду, Землю и Воздух, – передавая представления о поисках и строительстве человеческого эго: через лишения и уничтожение старого к прекрасному новому.

Ностальгией по уходящей «старой доброй Англии» пропитана сказка Мери де Морган «Зигфрид и Ханда». В ней жители маленькой деревушки на краю леса живут долго и счастливо, не зная горестей, тревог и болезней, пока остаются честными и трудолюбивыми. Однако об этом не говорится открыто, залогом сохранения волшебства является то, что все жители носят обувь сапожника Ральфа.

Однажды в деревушке появляется маленький уродливый старичок, предлагающий туфли и ботинки всего за пару медяков. Не сразу, но постепенно все жители деревни кроме разорившегося Ральфа и его сына Зигфрида начинают носить дешевую обувь. Изнашивается она быстро, но не затратно купить новую пару. Неожиданно начинают пропадать девочки, среди которых оказывается и возлюбленная Зигфрида, Ханда. Мальчик узнает, что старый обувщик на самом деле – коварный злобный гном, похищающий детей для зелья, дабы продлить свою жизнь еще на сто лет. С помощью Совы юному герою удастся собрать и сжечь обувь, проданную злодеем жителям, хотя за это приходится пожертвовать глазом. Девочки спасены, но волшебство уже никогда не вернется к жителям деревни, прельстившимся дешевизной и предавшим своего старого сапожника [Морган де].

Помимо аллюзий, связанных с победой фабричного производства над кустарным и губительностью детского труда, в сказке содержатся мотивы алхимического путешествия в поисках самости (спуска в подземное царство) и необходимой жертвы.

Пожалуй, ярче всего это путешествие описывается в сказках Хаусмена «Вежливый Василиск» и «Остров девяти водопадов» Э. Несбит. В первой Беппо, сын палача, которого соседские дети регулярно ло-

¹ Можно предположить отсылку и к алхимии, и к развивающейся фармакологии.

вят, чтобы «в шутку» повесить, в день очередной казни скрывается в горной пещере и там у костра дает волю воображению, которое делает его поочередно бедным преступником, затем похитителем овец, потом главарем разбойников и наконец королем горы. Вечером к нему неожиданно приходит желание изжарить и съесть ребенка – одного из участников жестокой игры. Проснувшись в пещере поутру, он видит выступающую из каменной стены морду громадного Василиска, похороненного в горах много лет назад и просыпающегося от тепла костра. Покормив чудовище охапкой травы, Беппо смотрит на мир глазами дракона и видит его молодым, зеленым и полным играющих маленьких василисков. Подружившись с драконом, мальчик решает освободить его. Однако, как только змей шевелит хвостом, городок Беппо начинает рушиться. Юный герой принимает нелегкое решение – уговорить нового и единственного друга вновь погрузиться в сон. Никто не верит его рассказам о спасении города: мальчишки колотят, отец наказывает. Избитый, он лежит у стен города, сомневаясь, правильно ли поступил, не дав Василиску обрушить его. Мальчик возвращается в пещеру, и впадающий в тысячелетнее оцепенение змей на минуту приоткрывает глаз, чтобы передать юному другу все, что он видел и знает. Город Беппо остался стоять, потому что дракон научил мальчика вежливости и терпению, сделав королем зеленого мира, где никто не причиняет никому зла [Housman, 2009].

Здесь и символическое путешествие вглубь самости, в те пещеры бессознательного, которых так пугались викторианцы, полагая, что без надлежащего контроля эти каверны сводят с ума, и символ философии – дракон, способный обучить видению внутренним взором и привести в мир без зла, но в то же время – оставшись без контроля – разрушить множество ничтожных, по его масштабам, человеческих жизней. К жизни змея пробуждает тепло огня – одного из главных алхимических символов, ставшего и символом прогресса, также, по мнению викторианцев, способного принести немало бед. Тепло влечет наружу, на поверхность сознания, заключенных в бессознательном демонов. Алхимическое путешествие в глубины эго опасно и чревато многими искушениями: недаром у Беппо появляется желание «сожрать младенца», подобного тем, кто каждый день подвергает его побоям и унижениям. Только воля и гуманность дают мальчику силы отказаться от единственного друга для сохранения родного городка.

Алхимический дракон превзойден. Его мудрость позволяет Беппо стать царем, но не «царем горы», как ему привиделось, а полноправным правителем своего внутреннего мира, где нет зла и насилия.

В «Острове девяти водоворотов» Эдит Несбит красавица-принцесса подобно алхимическому гомункулу рождается из ведьминского зелья, ради которого королева жертвует золотой короной, ожерельем из голубых сапфиров, жемчужными браслетами, лилиями с груди и алмазными пряжками с туфель. Однако король-чернокнижник в ярости: ему нужен был мальчик, и в день восемнадцатилетия он переносит дочь на окруженный водоворотами необитаемый остров, над которым не властно время, в замок, охраняемый драконом и грифоном. Найгелю, вооруженному непобедимыми силами любви и математики, удастся утопить старого дракона и рассорить две половинки грифона: орлиная растерзала львиную, львиная – орлиную [Несбит, 2015]. Здесь содержится отсылка к алхимическому Урборосу – змею, пожирающему себя, замкнутому и не имеющему ни начала, ни конца подобно времени. Согласно Юнгу, его смерть – важная составляющая алхимической трансформации эго, преодоление устаревшего и морально неприемлемого: прежде отвергавшая мужское начало принцесса преодолевает хаос нигредо, счастливо соединяется со своим возлюбленным [цит. по: Wieliczko-Paprotka, 2018, p. 43]. Живут молодые по-британски практично на банковские проценты, накопившиеся, пока принцесса ждала спасителя в безвременье [Несбит, 2015].

Заключение

Викторианские сказки, рожденные алхимическим воображением в пространстве «между тьмой и лампой», активно включились в формирование национального менталитета. Так их авторы старались донести до читателя идеи, соединившие использовавшееся в психологии и пришедшее из других областей алхимическое знание¹. Речь шла не только об аналогии алхимической соли с витальным духом, сплавляющим душу и тело [Цибизова, 2013, с. 63], но и о необходимом путе-

¹ Ныне Александра Манчич предлагает использовать алхимию как инструмент литературного перевода и необходимое орудие герменевтики [Цибизова, 2013, с. 62–73].

шествии в «глубины бессознательного», связываемом с опасностью захвата бессознательным цивилизованного сознательного эго. Алхимия – «грязное дело», пачкающее все используемые элементы [Цибизова, 2013, с. 63], но только с ее помощью происходит трансмутация личности, формируется новое эго, путь к которому указывает это эзотерическое знание. Потерять себя и найти, дать и вернуть, как это происходит в акте любви [там же, с. 67], – такова задача алхимика, писателя, своими трудами формирующего души других.

Алхимику-сказочнику помогала педагогика, заставлявшая расстаться с «первобытной дикостью» детства и впитать «коллективное бессознательное» цивилизации. Так достигается Добро благодаря временному и неизбежному Злу – находится путь сквозь тьму психики XIX в. через страдания и лишения.

Концепции формирования личности учитывали достижения естественных наук, в том числе эволюционную теорию Дарвина. Алхимии отводилась роль духовного противоядия, способного примирить душу с наукой и быстро меняющимся окружающим миром. Жестокая борьба с первобытным хаосом и химерами, выносимыми на поверхность воображением, полагалась нормой. Согласно У. Джеймсу, разум XIX в. считался «фантастически невежественным, едва ли гуманным или даже откровенно негуманным» [цит. по: Wieliczko-Paprotka, 2018, р. 37]. Алхимические методики должны были смягчить его, облегчив путь в царство бессознательного и не дав ему вырваться на поверхность и затопить сознательное эго. Процесс воспитания считался необходимо жестоким, связанным с неизбежным злом «растворения» прежних частей детского «дикого» эго ради создания личности, члена цивилизованного общества.

Авторы литературных сказок, появившихся в Британии позже, чем в других странах, пытались обеспечить родине пальму первенства и в области литературы. Они внушали читателю гордость принадлежности к великой нации, формируя довольно жесткий национальный менталитет. Это был менталитет имперской нации, утверждавшей свое превосходство над покоренными народами, вместе с идеями о допустимости каперства, фактически – пиратства в отношении других народов, если оно в интересах короны, идею необходимой для развития государства и личности жестокости.

Список литературы

Источники

Изумрудные скрижали Тота Атланта в переводе М. Дореаля (выдержки) // ladstas // livejournal. – 2016. – . – 30 мая. – URL: <https://ladstas.livejournal.com/151734.html>. – (Дата обращения: 07.04.2023).

Карасюк Дмитрий. Неубиваемая Виктория, или 8 безумных покушений на королеву // Дилетант. – 2022. – 17.11. – URL: <https://diletant.media/articles/45353803/> (Дата обращения: 31.03.2023).

Майер Михаэль. ATALANTA FUGIENS: (Убегающая Аталанта) или Новые Химические Эмблемы, Открывающие Тайны Природы, Пригодные как для созерцания, так и для размышления, в фигурах, гравированных на меди, с прилагающимися описаниями, Эпиграммами и примечаниями, предназначенными для воссоздания в душе и звуке 50 музыкальных fug на три голоса, два из которых приведены к простой мелодии, на которую исполняются куплеты, и все это в целом можно рассматривать, читать, использовать для медитации, понимать, оценивать, петь и слушать не без приятности: Написанные Михаэлем Майером Графом Имперской Консисории, Доктором Медицины, Рыцарем и т.д. // alchemyfraternitas.ru. – URL: <https://alchemyfraternitas.ru/media/libra/kniga/At.pdf> (Дата обращения: 19.03.2023).

Морган де, М. Ожерелье принцессы Фиоримонды // Самиздат. – URL: http://samlib.ru/t/timofeev_s_n/morgan_1.shtml (Дата обращения: 07.04.2023)

Несбит Э. Остров девяти водоворотов. Цикл «Семь историй про драконов» / пер. Л. Яхтин. – Москва : Речь, 2015. – URL: <https://fb2.top/posledniy-dragon-i-drugie-istorii-493129/read/part-2> (Дата обращения: 10.04.2023).

Резанова-Яцкевич Е. Крупнейшее англоязычное издание HarperCollins подвергло цензуре романы Агаты Кристи // ГАЗЕТА.RU. – 2023. – 26 марта. – URL: https://www.gazeta.ru/culture/news/2023/03/26/20063227.shtml?utm_referrer=mirtesen.ru (Дата обращения: 26.03.2023)

Рисунки к Rosarium philosophorum // Inverted tree. – 2009. – 24.09. – URL: https://invertedtree.ucoz.ru/publ/alkhimija/risunki_k_quotrosarium_philosophorumquot/17-1-0-61 (Дата обращения: 10.04.2023).

Хаусмен Л. Сказка о Принцессе на клумбе / пер. с англ. О. Александрович // Про-за.ру. – 2021. – 01.03. – URL: <https://proza.ru/2021/03/01/313> (Дата обращения: 08.04.2023).

Housman L. The blue Moon // The Project Gutenberg EBook. – 2009. – February 28. – URL: <https://www.gutenberg.org/files/3527/3527-h/3527-h.htm> (Date of application: 10.04.2023).

Morgan de Mary. On a pincushion. And other Fairy Tales. – London : Seeley, Jackson, & Halliday, 1877. – MDCCCLXXVII.

The Book of Lambspring, 1556 // Compendium Naturalis. – 2013. – 31 may. – URL: <https://www.compendiumnaturalis.net/the-book-of-lambspring-1556/> (Date of application: 10.04.2023).

Victorian fairy tales / Ed. by M.S. Newton. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – 496 p. – (Oxford World's Classic). – URL:

https://books.google.ru/books?id=R8HOoAEACAAJ&pg=PA43&hl=ru&source=gb_s_select&ed_pages&cad=2#v=onepage&q&f=false. – (Date of application: 19.03.2023).

Исследования

Акунов В. Изумрудная скрижаль Гермеса Трисмегиста // Проза.ru. – 08.12.2012. – URL: <https://proza.ru/2012/12/08/1476> (Дата обращения: 08.04.2023).

Аникушкина М.В. Викторианство и английская литературная сказка // Мировая литература на перекрестке культур и цивилизаций. – 2012. – № 5. – С. 6–14. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/viktorianstvo-i-angliyskaya-literaturnaya-skazka/viewer> (Дата обращения: 27.03.2023).

Ахметова Э. Призрачное викторианство // Эстетис. – 2016. – Октябрь, № 7(7). – URL: <https://aesthesis.ru/magazine/october16/victorianghostwriting>. – (Дата обращения: 05.04.2023)

Коути Е., Гринберг К. Женщины викторианской Англии. От идеала до порока. Как жили женщины разных эпох. – Москва : Алисторус, 2013. – 330 с. — URL: <https://litlife.club/books/182839/read?page=18> (Дата обращения: 03.04.2023).

Коути Е., Харса Н. Суверия викторианской Англии / под ред. Середнякова В.Н. – Москва : Центрополиграф, 2015. – 480 с. – (Всемирная история). – URL: <https://knizhnik.org/ekaterina-kouti/sueverija-viktorianskoj-anglii/1> (Дата обращения: 13.04.2023).

Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: понимание структуры личности в клиническом процессе : пер. с англ. – Москва : Независимая фирма “Класс”, 2001. – 480 с. – (Библиотека психологии и психотерапии ; вып. 49). – URL: https://pedlib.ru/Books/5/0266/5_0266-38.shtml#book_page_top (Дата обращения: 05.04.2023).

Петров А. Носталгија као савремени културни феномен // Зборник Матице српске за друштвене науке. – Нови Сад, 2020. – Г. 71, бр. 173(1). – С. 37–49.

Саркисянц М. Глава 3. Англия как прообраз расового единства (Volksgemeinschaft) // Научно-просветительский журнал СКЕПСИС. Библиотека. – URL: https://scepsis.net/library/id_2131.html (Дата обращения: 03.04.2023).

Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма. От британской к австро-баварской «расе господ». – Москва : Академический проект, 2003. – 400 с. – URL: http://lell33.ucoz.ru/El_Books/Angliyskie_korni_nemetskogo_fashizma.pdf (Дата обращения: 04.04.2023).

Џибизова И.М. [Реферат] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3: Философия. – 2013. – № 4. – С. 62–73. – Реф. ст.: Манчић А. О алхемије као преводилачкој методи // Летопис Матице српске. – Нови Сад, 2012. – Књ. 489, св. 4/5. – С. 612–627.

Џибизова И.М. [Реферат] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3: Философия. – 2014. – № 1. – С. 177–181. – Реф. ст.: Шугић М. Адорново схватање појмова «мудрости» и «дубине» // Летопис Матице српске. – Нови Сад, 2012. – Књ. 489, св. 4/5. – С. 603–611.

Элиаде Мирча. Аспекты мифа / пер. с фр. В. Большакова. – Москва : «Инвест – ППП», СТ «ППП», 1996. – 240 с. – URL: http://yanko.lib.ru/books/sacra/eliade-aspektu_mifa.pdf (Дата обращения: 25.03.2023).

Юнг К.Г. Символы трансформации : пер. с англ. – Москва : АСТ МОСКВА, 2008. – 731, [5] с. – (Philosophy).

Ярошевский М.Г. История психологии от античности до середины XX в. : учеб. пособие для вузов. – Москва : Академия, 1996. – 416 с. – URL: https://pedlib.ru/Books/1/0182/1_0182-89.shtml (Дата обращения: 05.04.2023).

Campbell J.A. Tradition and Transformation: Fairy Tales in the Victorian Novel : PhD dissertation. – Washington : University of Washington, 2015. – 182 p. – URL: https://digital.lib.washington.edu/researchworks/bitstream/handle/1773/33821/Campbell_washington_0250E_14542.pdf?sequence=1&isAllowed=y (Дата обращения: 26.03.2023).

Fowler J. Victorian Fairy Tales (4304/5304) / University Faculty // studylit. – 2004. – URL: <https://studylib.net/doc/8963394/victorian-fairy-tales--4304-5304---university-faculty> (Date of application: 24.03.2023).

Gehlen A. Moral und Hypermoral; eine pluralistische Ethik. – Frankfurt am Main : Athenäum Verlag, 1969. – 192 S.

Grau A. Hypermoral: Die neue Lust an der Empörung. – München : Claudius Verlag, 2017. – 128 S.

Hillard M.C. Spellbound: The Fairy Tale and the Victorians. – Columbus : The Ohio State University Press, 2014. – 278 p. – URL: file:///C:/Users/itsbi/Downloads/Hillard_Book4CD.pdf (Date of application: 27.03.2023).

Kotzin M.C. The fairy tale. Dickens and the Fairy Tale. – Bowling Green : Bowling Green University Popular Press, 1972. – 123 p. – Victorian Fantasy Literature. – enotes. – June 7, 2022. – P. 7–31 – URL: <https://www.enotes.com/topics/victorian-fantasy-literature/critical-essays/overviews> (Date of application: 27.03.2023).

Marcet Mrs. Lessons on Animals, Vegetables, and Minerals. – London : Scholar's choice, 2015. – 178 p.

Newman W.R., Principe L.M. Alchemy Tried in the Fire: Starkey, Boyle, and the Fate of Helmontian Chymistry. – Chicago : The University of Chicago Press, 2002. – 344, xv. p.

Newton M.S. Introduction // Victorian fairy tales / Ed. by M.S. Newton. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – P. I–XII. – (Oxford World's Classic).

Vermeulen H.V. The dwarfing of men in Victorian fairy-tale literature. – Honors Theses : University of Richmond. – 2007. – 199 p. – URL: <https://scholarship.richmond.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1198&context=honors-theses> (Date of application: 29.03.2023)

Victorian Era Characteristics: Art, Literature, Technology, Religion, Social, Political // Victorian era. – URL: <https://victorian-era.org/victorian-era-characteristics.html> (Date of application: 27.03.2023).

Victorian Era Literature Characteristics // Victorian Era. – 2022. – March. – URL: <https://victorian-era.org/victorian-era-literature-characteristics.html> (Date of application: 24.03.2023).

Wieliczko-Paprotka E. Alchemical journey into the divine in Victorian fairy tales // Studia religiologica. – Kraków, 2018. – G. 51, z. 1. – S. 33–45.

Zipes J. Introduction // Victorian fairy tales: The revolt of the fairies and the elves. 1987 / Ed. by J. Zipes. – New York : Routledge, 1991. – P. XIII–XXIX.

References

Akunov, V. Izumrudnaya skrizhal' Germesa Trismenista [The Emerald Tablet of Hermes Trismegistus]. In *Proza.ru*. – 08.12.2012. URL: <https://proza.ru/2012/12/08/1476>. (Data obrashcheniya: 08.04.2023). (In Russ.)

Anikushkina, M.V. Viktorianstvo i angliyskaya literaturnaya skazka [Victorianism and the English Literary Fairy Tale]. In *Mirovaya literatura na perekrestke kul'tur i civilizacij*, no. 5, 2012, pp. 6–14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/viktorianstvo-i-angliyskaya-literaturnaya-skazka/viewer>. (Data obrashcheniya: 27.03.2023). (In Russ.)

Ahmetova, E. Prizrachnoe viktorianstvo [Ghostly Victorianism]. In *Estezis*, no. 7(7), 2016, oktyabr'. URL: <https://aesthesis.ru/magazine/october16/victorianghostwriting>. (Data obrashcheniya: 05.04.2023). (In Russ.)

Kouti, E., Grinberg, K. *Zhenshchiny Viktorianskoj Anglii. Ot ideala do poroka* [Women of Victorian England. From ideal to vice]. Moscow, Alistorus Publ., 2013. 330 p. – *Kak zhili zhenshchiny raznyh epoh* [How women of different eras lived]. – URL: <https://litlife.club/books/182839/read?page=18>. (Data obrashcheniya: 03.04.2023). (In Russ.)

Kouti, E., Harsa, N. Sueveriya viktorianskoj Anglii [Superstitions of Victorian England], ed . Serednyakov V.N. Moscow, Centropoligraf Publ., 2015. 480 p. (Seriya «Vsemirnaya istoriya»). URL: <https://knizhnik.org/ekaterina-kouti/sueveriya-viktorianskoj-anglii/1>. (Data obrashcheniya: 13.04.2023). (In Russ.)

Mak-Vil'yams, N. Psihoanaliticheskaya diagnostika: Ponimanie struktury lichnosti v klinicheskom processe [Psychoanalytic diagnostics: Understanding the structure of personality in the clinical process], trans. from English. Moscow, Nezavisimaya firma "Klass" Publ., 2001. 480 p. (Biblioteka psihologii i psihoterapii, vyp. 49). – URL: https://pedlib.ru/Books/5/0266/5_0266-38.shtml#book_page_top. – (Data obrashcheniya: 05.04.2023). (In Russ.)

Петров, А. Носталгија као савремени културни феномен [Nostalgia as a contemporary cultural phenomenon]. In *Зборник Матице српске за друштвене науке*. Матице српске, Нови Сад Publ, 2020. Г. 71, – бр. 173 (1), pp. 37–49. (In Serbian)

Sarkisyanc, M. Glava 3. Angliya kak proobraz rasovogo edinstva (Volksgemeinschaft) [Chapter 3. England as a prototype of racial unity]. In *Nauchno-prosvetitel'skij zhurnal SKEPSIS. Biblioteka*. URL: https://scepsis.net/library/id_2131.html. (Data obrashcheniya: 03.04.2023). (In Russ.)

Sarkisyanc, M. *Anglijskie korni nemeckogo fashizma. Ot britanskoj k avstrobavarskoj «rase gospod»* [The English roots of German fascism. From the British to the Austro-Bavarian "race of masters"]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2003. 400 p. URL: http://lell33.ucoz.ru/El_Books/Anglijskie_korni_nemetskogo_fashizma.pdf. (Data obrashcheniya: 04.04.2023). (In Russ.)

Cibizova, I.M. [Referat] In *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 3: Filosofiya*, no. 4, 2013, pp. 62–73. Ref. st. [summary of the article]: Manchiĥ A. O alhemije kao prevodilachkoj metodi // Letopis Matice srpske. – Novi Sad, 2012. – Књ. 489, sv. 4/5. – S. 612–627. (In Russ.)

Cibizova, I.M. [Referat] In *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 3: Filosofiya*, no. 1, 2014, pp. 177–181. Ref. st. [summary of the

article]: Shutih M. Adornovo skhvataње pojmovа «mudrosti» i «dubine» // Letopis Matice srpske. – Novi Sad, 2012. – Књ. 489, sv. 4/5. – S. 603–611. (In Russ.)

Eliade, Mircha. *Aspekty mifa* [Aspects of the myth], transl. from Fr. V. Bolshakov. Moscow, «Invest – PPP», ST «PPP» Publ., 1996. 240 s. – URL: http://yanko.lib.ru/books/sacra/eliade-aspektu_mifa.pdf. (Data obrashcheniya: 25.03.2023). (In Russ.)

Yung K.G. *Simvoly transformacii* [Symbols of transformation], trans. Eng. Moscow, ACT MOSKVA Publ., 2008. 731, [5] p. – (Philosophy). (In Russ.)

Yaroshevskij M.G. *Istoriya psihologii ot antichnosti do serediny XX v.: Ucheb. posobie dlya vuzov* [The history of psychology from antiquity to the middle of the XX century: Textbook for universities]. Moscow, Akademiya Publ., 1996. 416 p. – URL: https://pedlib.ru/Books/1/0182/1_0182-89.shtml. – (Data obrashcheniya: 05.04.2023). (In Russ.)

Campbell, J.A. *Tradition and Transformation: Fairy Tales in the Victorian Novel*. University of Washington, 2015: PhD dissertation. 182 p. URL: https://digital.lib.washington.edu/researchworks/bitstream/handle/1773/33821/Campbell_washington_0250E_14542.pdf?sequence=1&isAllowed=y. – (Data obrashcheniya: 26.03.2023).

Fowler, J. Victorian Fairy Tales (4304/5304). University Faculty. In *studylit*. 2004. URL: <https://studylit.net/doc/8963394/victorian-fairy-tales--4304-5304---university-faculty>. (Date of application: 24.03.2023).

Gehlen, A. *Moral und Hypermoral; eine pluralistische Ethik*. Frankfurt am Main, Athenäum Verlag Publ., 1969. 192 p. (In Germ.)

Grau, A. *Hypermoral: Die neue Lust an der Empörung*. München, Claudius Verlag Publ., 2017. 128 p. (In Germ.)

Hillard, M.C. *Spellbound: The Fairy Tale and the Victorians*. Columbus, The Ohio State University Press Publ., 2014. 278 p. – URL: file:///C:/Users/itsbi/Downloads/Hillard_Book4CD.pdf. – (Date of application: 27.03.2023)

Kotzin, M.C. The fairy tale. – Dickens and the Fairy Tale. – Bowling Green, Bowling Green University Popular Press Publ., 1972. 123 p. In *Victorian Fantasy Literature. enotes*. June 7, 2022, pp. 7–31. URL: <https://www.enotes.com/topics/victorian-fantasy-literature/critical-essays/overviews>. – (Date of application: 27.03.2023).

Marcet, Mrs. *Lessons on Animals, Vegetables, and Minerals*. London, Scholar's choice Publ., 2015. 178 p.

Newman, W.R., Principe, L.M. *Alchemy Tried in the Fire: Starkey, Boyle, and the Fate of Helmontian Chymistry*. Chicago, The University of Chicago Press Publ., 2002. 344 p. xv.

Newton, M.S. Introduction. In *Victorian fairy tales*, Ed. by M.S. Newton. Oxford, Oxford University Press Publ., 2016, pp. I–XII, (496 p.) – (Oxford World's Classic).

Vermeulen, H.V. *The dwarfing of men in Victorian fairy-tale literature*. Richmond, University of Richmond Publ.. 2007. Honors Theses. 199 p. URL: <https://scholarship.richmond.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1198&context=honors-theses>. – (Date of application: 29.03.2023).

Victorian Era Characteristics: Art, Literature, Technology, Religion, Social, Political. In *Victorian era*. URL: <https://victorian-era.org/victorian-era-characteristics.html>. (Date of application: 27.03.2023).

Victorian Era Literature Characteristics. In *Victorian Era*. March 2022. URL: <https://victorian-era.org/victorian-era-literature-characteristics.html>. (Date of application: 24.03.2023).

Wieliczko-Paprot, E. Alchemical journey into the divine in Victorian fairy tales. In *Studia religiologica*. Kraków, 2018. G. 51, z. 1, pp. 33–45.

Zipes, J. Introduction. In *Victorian fairy tales: The revolt of the fairies and the elves*. 1987, Ed. by J. Zipes. New York, Routledge Publ., 1991, pp. XIII–XXIX. (412 p.).